

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУР ВОСТОКА И ЗАПАДА: ДЕТЕРМИНАНТЫ И ПАРАЛЛЕЛИ

© *М.А. Можейко*

Белорусский государственный университет культуры и искусств, Минск,
Республика Беларусь

Поступила в редакцию 11.12.2021

Опубликована 28.03.2022

■ Для цитирования: Можейко М.А. Дифференциация традиционных культур Востока и Запада: детерминанты и параллели // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2022. Т. 4. № 1. С. 5–10. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.1.1>

Аннотация. Объектом исследования выступает дифференциация традиционных культур Запада и Востока. Целью является экспликация детерминант фундаментальных различий традиционных культур восточного и западного образца. Статья посвящена решению такой проблемы, как выявление параллелизма различий восточных и западных культур в таких сферах, как нравственное сознание, тип философствования, религиозные установки, языковые системы (грамматические конструкции, в частности) и др. Полученный результат представляет собой целостную модель дифференциации традиционных культур Запада и Востока, что позволяет глубже понять как их специфику, так и механизмы взаимовлияния, а также моделировать пути их взаимодействия в современных условиях с учетом автохтонных особенностей тех и других.

Ключевые слова: Восток; Запад; традиционная культура; нравственное сознание; тип философствования; религия; язык.

DIFFERENTIATION OF EAST AND WEST TRADITIONAL CULTURES: DETERMINANTS & PARALLELS

© *M.A. Mojeiko*

Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk, Republic of Belarus

Original article submitted 11.12.2021

Revision submitted 28.03.2022

■ For citation: Mojeiko M.A. Differentiation of East and West Traditional Cultures: Determinants & Parallels. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2022;4(1):5–10. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.1.1>

Abstract. The object of the research is the differentiation of traditional Orient and Western cultures. The aim is to explicate the determinants of its fundamental differences. The article is devoted to solving such a problem as identifying the parallelism of Eastern/Western differences in such different areas as moral consciousness, the type of philosophizing, religious, language systems (grammatical constructions, in particular), etc. The result obtained is the holistic model of differentiation of traditional cultures, which allows a deeper understanding of their specificity, mechanisms of mutual influence, as well as modeling the ways of their modern interaction, taking into account the autochthonous features of both.

Keywords: East; West; traditional culture; moral consciousness; type of philosophizing; religion; language.

В структуре любого акта деятельности можно выделить субъектную и объектно-предметную составляющие: с одной стороны — действующий субъект (актор), его цели и знание технологий, с другой — предмет деятельности с его свойствами, которые трансформируются желательным для человека образом, превращая предмет человеческого воздействия в продукт, соответствующий поставленной цели.

Эта структура универсальна, однако в культурах Запада и Востока ее осмысление осуществляется с различной акцентировкой: для западных культур характерен акцент на субъектной составляющей деятельности, для восточных — на объектно-предметной.

Связано это с тем, что, социальность западного образца (начиная с античности) основывается на ремесленном производстве, которое делает очевидным преобразующее воздействие мастера на материал — от эксплицитной формулировки цели до осознания авторства в отношении созданного изделия. Ремесленник в Древней Греции именовался *δημιουργός*, т. е. *создатель, творец*. Это спровоцировало своего рода преобразовательский активизм античности: например, прокладывая дорогу, препятствия рельефа не обходили, но именно преодолевали: вырубали ступеньки на склонах гор, срывали холмы и т. п., и дорога получалась прямой, как стрела, ведя к цели без отступлений от нее.

В итоге такая установка инспирирует формирование в культуре западного типа представление о человеке как о субъекте, чьи усилия создают из сырья продукт, а в перспективе — как о выделенном из природы преобразователе мира, что в эпоху Ренессанса приводит к возникновению трактовки человека как *царя природы*.

В отличие от этого ранние восточные общества, основанные на сельскохозяйственном производстве, центрируют внимание на самой трансформации предмета в продукт, воспринимая ее как спонтанный природный процесс: рост злаков, созревание плодов и т. п. Человек в ее системе отсчета мыслится как часть мироздания (а потому естественный фактор контекста протекания этих процессов).

В соответствии с этим деятельностный акт воспринимается синкретично: субъектная его составляющая не противостоит объектно-предметной, акцент делается на превращении предмета в продукт посредством изменения его свойств (а в силу течения времени или под воздействием внешних условий, куда относится и человек с его усилиями, — это, в сущности, неважно).

Это находит свое отражение в аксиосфере восточной культуры: в ряду достоинств человека на передний план выдвигается достижение гармонии с окружающим миром, — в отличие от западной культуры, видящей главное достоинство личности в самореализации посредством природопреобразующей деятельности и активизма в целом.

Указанные различия в осмыслении деятельностного акта находят свое выражение в различных сферах культуры Запада и Востока.

В целом западная культура выстраивает себя на основе субъект-объектной оппозиции как своей несущей смысловой оси, и именно на этом фундаменте формируется такое порождение новоевропейской истории, как *наука*. В основе научного познания не просто лежит противопоставление субъекта и объекта, но безоговорочное признание внеположенности объекта познающему субъекту

и — как следствие — неукоснительный объективизм в качестве нормативного требования, предъявляемого к корректным когнитивным процедурам.

Выразительные различия могут быть зафиксированы и в сфере *нравственного сознания*. Так, активная жизненная позиция выступает имплицитным основанием нравственности западного образца, начиная с этических нормативов античной культуры. К примеру, согласно принятому Солоном закону, гражданин полиса лишался своего статуса и прав, если во время конфликта любого масштаба (вплоть до обычных уличных беспорядков) он не принял ту или иную сторону, поддержав ее с оружием в руках. В этом плане чрезвычайно показательна реакция Гомера на поведение Ахиллеса, чей отказ от участия в боевых действиях описывается как настолько радикальный шаг, что требует для своего описания прямо-таки божественных усилий («Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына»). Между тем в контексте восточной морали это было бы воспринято как совершенно обычная практика: уединиться, чтобы изжить обиду и восстановить как внутреннюю гармонию, так и гармонию с внешним миром.

В даосизме недеяние (*у-вэй*) однозначно доминирует над активностью как таковой (*вэй*): согласно «Дао-Дэ Цзин», «когда состояние отсутствия стремлений осуществляется посредством покоя, тогда выправление Поднебесной будет происходить само собой», и потому «пусть <...> будут десятки и сотни приспособлений-инструментов, а не применяют», «есть лодки и колесницы, а никто на них не ездит» [1, с. 23–65]. Более того, восточная традиция склонна негативно воспринимать избыточный активизм, что отчетливо проявляется в традиционном восточном сюжете, варьирующемся от индийской пословицы *не тяни лук за перья* — до китайской притчи о человеке из царства Ли, который, посадив злаки, потягивал их из земли, торопя их рост, и в результате остался ни с чем.

В *религиозном сознании* также можно усмотреть подобную дифференциацию.

Поскольку в культуре западного типа оформляется стиль мышления, основанный на субъект-объектной оппозиции, постольку любой результативный процесс мыслится как акт активности субъекта — своего рода Автора наблюдаемого результата. Это выступает одной из важнейших детерминант формирования креационизма, трактующего мироздание как продукт божественного творения. Даже развитие естествознания, ориентированного на исследование естественных законов природы, сохраняет эту установку, порождая деизм, согласно которому Бог творит мир (подобно тому, как часовщик заводит часы), и пусть далее стрелки двигаются уже по механическим законам, в основе — творческий акт, не только запускающий природные процессы, но и заранее создающий закономерности их протекания.

В отличие от западного теизма, мыслящего Абсолют в качестве персонафицированного Бога, открытого для субъект-субъектных отношений (пусть вертикальных, но тем не менее личных), нетеистические религии доисламского Востока артикулируют сферу трансцендентного в качестве безличных сущностей, прокладывающих объективный вектор своей реализации сквозь случайности бытия. К *дао* нельзя обратиться с мольбой сердечной.

В сфере *философского мышления* теоретические модели универсума, предлагаемые мыслителями Запада и Востока, также строятся на принципиально различных основаниях.

Так, философия Востока моделирует космогенез в качестве спонтанного процесса. Например, философская теория *жань* трактует мироздание как продукт взаимного резонирования сущности вещей: каждая вещь характеризуется *цзы-жань* (т. е. изначально присущим ей автохтонным *самокачеством*), вещи с одинаковым *жань* поддерживают *жань* друг друга, тем самым их качество беспримесно автохтонно. Привнесенное качество — *чи-жань* — нарушает эту автохтонность и является результатом внешнего усилия (в качестве примеров выступают, как правило, вываривание индиго в синюю краску или воспитание ребенка), и это привнесенное (фактически навязанное) *жань* в аксиологии данной модели существенно уступает *самокачеству*.

Для натурфилософии Запада, напротив, характерны такие модели космогоний, в которых четко обозначается целеполагающий субъект космосозидания (как *нус* — разум — у Анаксагора, например). Наиболее выразительна в этом плане модель космогенеза, предложенная на позднем этапе развития античной философии: так, Аристотель, обозначая причины оформления мироздания, фактически повторяет компоненты деятельностного акта: действующая причина (субъект), целевая причина (его целеполагание), формальная причина (оформляющие продукт технологии) и материальная причина (предмет преобразования). Как видим, лишь последняя причина обозначает объектно-предметную составляющую деятельности, в то время как субъектная расписана дифференцированно и подробно. Соответственно, коль скоро акцент делается на ней, постольку и субъект выступает как инициатором и актором процесса, так и автором результата.

Аналогичные различия можно наблюдать и в *грамматических структурах языка*. Например, это ярко проявляется в разнице базовых функционально-семантических оппозиций восточных и западных языков. Так, в древнекитайском языке *вэньян* основную оппозицию составляют имя и предикатив (прилагательные и причастия, выполняющие в структуре предложения функцию определения). В схеме деятельностного акта (события), которую выражает предложение в своей грамматической структуре, им соответствует акцентированная в восточной культуре объектно-предметная составляющая: имя выражает предмет воздействия, а предикатив — его трансформирующиеся свойства.

В отличие от этого, в западных языках центральная функционально-семантическая оппозиция задается именем и глаголом, что центрирует внимание на субъекте и действиях, осуществляемых им как актором. Соответственно, если в древних восточных языках доминируют грамматические конструкции пассива (типа *олень убит охотником*), то в западных — активные грамматические конструкции (типа *охотник убил оленя*). В силу этого при описании спонтанных процессов в западных языках практикуется феномен так называемого *примысленного субъекта*: от конкретно персонифицированного *Зевс дождит* в древнегреческом языке — до безличного (но, тем не менее, в обязательном порядке указывающего на актора процесса) *it is raining* в современном английском.

И — предельно снижая пафос после анализа религиозного сознания — даже *игры*, практикуемые в культурах Востока и Запада, принципиально отличаются друг от друга. Например, пришедший с Востока серфинг предполагает

органичное вписывание человека в волну, ее скорость и ритм, слияние с природным процессом, в то время как водные лыжи Запада механически разрезают волну, нимало не заботясь о ее направлении.

Нельзя не отметить, что переход к индустриальному типу общества во многом трансформировал указанные различия и сгладил жесткость дифференциации традиционных культур Востока и Запада.

Так, в конце XIX—начале XX в. фундаментальность субъект-объектной оппозиции была поставлена европейской культурой под сомнение, что связано с формированием неклассической науки и неклассической философии. В частности, в естествознании Копенгагенской школой был сформулирован отказ от безусловности внеположенной позиции субъекта в отношении приборной ситуации. В философии на рубеже XIX–XX вв. наблюдается кризис классических онтологических моделей — так называемый *кризис онтологии*, приведший к своего рода экзистенциализации традиционных для онтологии проблемных полей: интерпретация Г.-Г. Гадамером *открытого для понимания бытия* в качестве *Я, опыт феноменологической онтологии* Ж.-П. Сартра, *Dasein* М. Хайдеггера, и мн. др., что также размывало безусловность противоположения субъекта и объекта. Фундаментальная для классической культуры Запада субъект-объектная оппозиция начинает подвергаться открытой критике со стороны и естествознания, и гуманитаристики. Раскол нашего мира на две чуждых друг другу сферы начинает осмысливаться в негативном ключе, причем не только в экологической проекции, но, прежде всего, в отношении самого человека, деформации его природы. По формулировке Ж. Моно, союз субъекта и объекта, этот «древний союз разрушен», в силу чего современный «человек <...> осознает свое одиночество в равнодушной бескрайности Вселенной» [2, р. 180]. Здесь с очевидностью обнаруживает себя тенденция смягчения радикализма субъект-объектной оппозиции как таковой и принятия более интегрального видения мира, для традиционной культуры Запада отнюдь не характерная.

Разумеется, очевиден и встречный вектор, а именно — адаптация восточной культурой многих установок и практик западной традиции (при безусловном сохранении исходной специфики, которая в условиях современного этапа глобализации всемерно актуализируется в контексте тенденций глокализации [3], что проявляется в таких векторах развития, как стремление Японии *вернуться в Азию*, *индуизация* и *санскритизация* Индии и т. п. [4, р. 1–2]).

Корректный учет этих обстоятельств может служить эффективной основой конструктивного диалога Востока и Запада в реалиях современности.

Список литературы

1. Антология даосской философии. Москва: Товарищество «Клышников – Комаров и К^о», 1994. 447 с.
2. Monod J. Chance & Necessity. An Essay on the Natural Philosophy of Modern Biology / J. Monod. New York: Vintage Books, 1972. 225 p.
3. Stiglitz J. Globalization and Its Discontents. London: W.W. Norton & Co., 2003. 304 p.
4. Dwivedi A. Sanskritization (Hinduism) // Hinduism and Tribal Religions / Ed. by P. Jain, R. Sherma, M. Khanna. Springer (Netherlands), 2018. P. 1–2.

References

1. Anthology of Taoist philosophy. Moscow: Partnership «Klyshnikov – Komarov and Co», 1994. 447 p.
2. Monod J. Chance & Necessity. An Essay on the Natural Philosophy of Modern Biology. New York: Vintage Books, 1972. 225 p.
3. Stiglitz J. Globalization and Its Discontents. London: W.W. Norton & Co., 2003. 304 p.
4. Dwivedi A. Sanskritization (Hinduism) // Hinduism and Tribal Religions. Ed. by P. Jain, R. Sherma, M. Khanna. Springer (Netherlands), 2018. P. 1–2.

Информация об авторе

Марина Александровна Можейко, доктор философских наук, профессор, профессор УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств», Минск, Республика Беларусь.

E-mail: marina-mojeiko@yandex.by

Information about the author

Marina A. Mojeiko, Doctor of Philosophy, Professor, Professor «Belarusian State University of Culture and Arts», Minsk, Republic of Belarus. **E-mail:** marina-mojeiko@yandex.by